

НОВЫЙ ГОД С ДЕДОМ МОРОЗОМ

Аркадий
МАР

г. Нью-Йорк, США

рассказ

Димка посмотрел на будильник, лежащий на боку: внутри что-то сломалось, и, если его поставить в обычное положение, он переставал тикать. А лежа на боку ходил хорошо — оттого, наверное, мать не несла его в починку.

★ Будильник показывал пять часов: до возвращения с работы матери еще страшно долго. В дни, когда она дежурила в больнице, приходила домой поздно. Но Димка всегда её дождался: читал, смотрел по телевизору спортивные передачи, а бывало, засыпал в кресле, но мгновенно вскакивал, услышав, как мать поворачивает ключ в замке.

Сегодня, в последний день года, Димка занимался домашними делами. Помыл полы — причем честно помыл, не пропуская углов, вытер пыль с мебели, сбегал в булочную за хлебом и сейчас, в пять вечера, стоял у окна и смотрел на улицу.

С неба сыпался редкий сухой снег — даже не снег, а крупа. Она падала с самого утра, но до сих пор повсюду на земле виднелись темные проплешины. Рядом с их домом, на троллейбусной остановке, возле сколоченного из фанеры зеленого загончика, где продавались елки, толпились люди.

Димка приоткрыл балконную дверь, поеживаясь от холода: там, на балконе, бережно укутанная в целлофан, стояла его елка — большая и пушистая. Вчера они с мамой купили елку возле большого универмага, и Димка сам нес её домой, прижимаясь к ней замерзшим носом и щеками, вдыхая горьковатый запах хвои. Нарядить елку мама любила сама, и всегда — под самый Новый год. Димка осторожно подавал ей хрупкие стеклянные шары, а мама, забравшись на стул, развешивала их на ветках, то и дело восторженно восклицая:

— Посмотри! Правда — прелесть?!

— Правда, — подтверждал Димка и протягивал ей следующий шар.

Почему мама любила наряжать елку, Димка знал давно, с первого класса, когда к ним из Киева приезжала тетя Оксана Романенко — близкая мамина подруга. Как-то раз все вместе они сидели на тахте, и тетя Оксана спросила у мамы:

— Помнишь, как в детдоме клеили игрушки из бумаги, а ночью убежали из спальни елку наряжать?

— Еще бы! А как нам влетало за это! — улыбнулась мама. Немного помолчала и добавила: — До сих пор не могу пройти мимо ёлочных украшений. Дома и так скопилось много, а всё равно покупаю.

Теперь тетя Оксана не приезжает, и уже давно. Димка вздохнул, вспомнив её веселую. Как она говорила? «Димочка, коханий, ласкаво просимо в Киив. Каки там каштаны исть, та Днипро...»

Димка послушался по квартире, включил телевизор. Нагреваясь, телевизор тихонечко засвистел, потом экран засветился, и на нем появилось изображение толстой женщины в белом халате. Она стояла возле стены, увешанной графиками, диаграммами, и беззвучно шевелила губами. Димка прибавил звук.

— ...Таким образом, — радостно произнесла женщина, — наш холдинг заключил выгодные для страны контракты на поставку продукции за рубеж...

— Нашли что в праздник показывать, — недовольно буркнул Димка и зло выдернул шнур из розетки.

Вдруг резко затрещал дверной звонок. Он подумал: «Может, мать с дежурства отпросилась?..» — и кинулся открывать.

На пороге стоял одноклассник Бакланов.

— Привет, — сказал он. — Помнишь, проводу обещал. Ну, для детектора.

— Ты же говорил, что уже закончил с ним возиться, — удивился Димка.

— Не-а, — признался Бакланов. — Я, оказывается, схему перепутал. Придется перепаивать.

— Подожди, сейчас найду. — Димка влез на стул, достал с антресолей деревянный ящичек и начал рыться в нем, откладывая в сторону

гвозди, отвертки, какие-то давно не нужные пустые тубики от клея.

— А ты что дома сидишь? — спросил Бакланов. — Между прочим, на площади ёлку поставили. Огромную, высотой метров в двадцать!

— Может, вместе сходим? — предложил Димка, протягивая Бакланову моток проволоки.

— Не могу, — с сожалением ответил тот. — К нам родственники сейчас придут. Скучные такие.

Почти сразу Бакланов ушёл. Димка закрыл за ним дверь, затем привычно посмотрел на будильник: толстые стрелки лениво застряли на половине шестого.

Димка решил: успеет — и снял с вешалки в прихожей пальто и шапку...

Когда он подошел к городской площади, возле огромной, уходящей в тусклое серое небо елки людей было мало. Димка обошел елку, полюбовался гирляндами, светящейся красной звездой, укрепленной на макушке, и вдруг заметил Деда Мороза. Подняв воротник красной шубы, он курил, выпуская струйки синеватого дыма, и, казалось, чего-то ждал. Димка тоже поднял воротник пальто, подошел поближе.

— Холодно сегодня, — первым заговорил он.

— Холодно, — подтвердил Дед Мороз. — До самых костей пробирает. Ну всё, видимо, машина наша театральная не приедет. Давай-ка действительно тронемся.

— Куда? — поинтересовался Димка.

— По домам, конечно. Подожди, я же еще должен торт купить! — Дед Мороз заторопился к подземному переходу, за которым был ближайший гастроном, но вдруг остановился, обернулся. — Послушай, мальчик, видишь, я в шубе и при бороде. Неудобно в таком виде в гастроном идти... Может, выручишь, сходишь?..

— А какой торт вам нужен? — с готовностью ответил Димка.

— Какой уж будет, — Дед Мороз махнул рукой. — Наверно, хорошие-то давно разобрали.

— А пойдете лучше в другой магазин. Наш гастроном тоже тут недалеко, — предложил

Димка. — Там всегда торты есть. И «Сказка», и «Чародейка», и «Наполеон»...

— Ты, вижу, специалист, — удивился Дед Мороз.

— Да нет. Просто маме печь некогда, она всегда готовые покупает, — признался Димка.

— Хорошо, — согласился Дед Мороз. — Так, говоришь, близко гастроном?

— Надо перейти дорогу, свернуть направо и еще чуть-чуть, там уже близко, — со знанием дела сообщил Димка.

— Действительно, похоже, что близко, — улыбнулся в бороду Дед Мороз.

Они подождали, пока мимо них по рельсам медленно проползет переполненный людьми трамвай, и перешли через дорогу.

Дед Мороз спросил:

— А твои родители не будут волноваться, что тебя долго нет?

— Совсем нет. Мама с дежурства только в десять часов вернется.

Дед Мороз покачал головой:

— Что же вы с отцом ее под самый Новый год отпускаете?

— Так выпало. В больнице всегда график скользящий, — объяснил Димка и тише добавил: — А папы у нас нет...

Вот и нужный магазин. Уличная витрина гастронома, вся разрисованная красными и синими снежинками, ярко светилась.

Димка вошел вовнутрь, узнал цену на нужный торт и, выбив в кассе чек, пристроился в очередь в кондитерский отдел.

Впереди стоял мужчина в очень интересных валенках, снизу доверху обшитых густым серым мехом. «Наверное, полярник, — решил Димка. — У него и шапка какая-то мохнатая». И только Димка подумал, что хорошо было бы расспросить полярника, бывал ли он на полюсе, ездил ли на умных северных собаках — лайках, как вдруг к мужчине подбежала маленькая девочка с круглыми красными щеками и дернула его за рукав.

— Пойдем быстрее на улицу! — восторженно заявила она.

— Что случилось, Машенька? — удивился полярник. — Или тебе конфет расхотелось?

— Конфет не расхотелось! — заявила девочка. — Только там, на улице, Дед Мороз стоит. Взаправдашний!

Полярник как будто засомневался:

— Почему ты решила, что взаправдашний?

— У нас в детсаду Марьборисовна в Деда Мороза переодевалась. Мы видели. А этот просто стоит и курит! Вот! Вон, сам посмотри! — и она ткнула пальцем на большое окно гастронома.

Димка посмотрел тоже. Толстое стекло запотело, но все равно Димка разглядел Деда Мороза — того самого, с которым пришел сюда. В наступающих сумерках Дед Мороз казался маленьким и усталым.

К тому времени очередь полярника подошла.

— Ну и что, что стоит, — вмешалась продавщица, накладывая большим совком в пакет шоколадные конфеты. — Теперь по всему городу елки. От хорошей-то жизни Дедом Морозом не станешь... У них перед праздниками по пять ёлок в день, и всё на ногах, на ногах...

— Интересно, кого он ждет? — перебила продавщицу Машенька, не сводящая глаз с Деда Мороза за стеклом.

— Меня, — с достоинством произнес Димка. — Я ему торт купить должен.

— Ой! — с удивлением воскликнула Машенька. — А разве Деда Морозы торты едят? А где вы его кушать будете? В лесу?

— Почему это в лесу? — тоже удивился Димка.

— Как ты не понимаешь! Ведь Деда Морозы должны жить в лесу, — убеждала его Машенька. — Это в любой сказке написано! Папа, — она дернула полярника за рукав, — давай их подвезем и узнаем, где дом Деда Мороза.

Полярник согласился:

— А в самом деле! Давай, мальчик, мы тебя с твоим Дедом Морозом подвезем. Нам совсем не трудно.

— И правильно, — поддержала продавщица, — конечно, подвезите. Намаялся он, наверное, бедняга, — кивнула она на окно. Дальше скомандовала: — Так, мальчик, давай чек!

Продавщица ловко перевязала шпагатом корбку с тортом и вручила Димке.

Из гастронома они вышли вместе: чуть впереди важно шагала Машенька, прижимая к груди большой пакет с конфетами, за ней — Димка с тортом «Сказка», а позади — Машенькин папа в мохнатых валенках.

— Ну, приглашайте... приглашайте своего Деда Мороза, — сказал он ребятам. — А я пока мотор прогрею...

Минут через десять машина уже неслась по праздничному, расцвеченному огнями городу, осторожно притормаживая на поворотах.

С белесого неба теперь повалил снег. Его крупные хлопья вмиг залепили стекла, и Машенькин папа включил дворники. Как маятники, они качались с тонким скрипом, равномерно сдвигая налипающие снежинки к краям стекла.

— В Норильске, наверное, такой же снег, — задумчиво произнесла Машенька.

— А вы сибиряки? — спросил Дед Мороз.

— Вообще-то, мы здешние, — отозвался Машенькин папа. — А в Норильск нас с женой в командировку посылают. На целый год. Хотели Машеньку с бабушкой оставить, да она ни в какую. Придется с собой брать. И хорошо, а то без неё скучно.

— Я уже все игрушки упаковала, — похвасталась Машенька. — Бо-о-льшущая коробка получилась!

— Игрушек у нас много, — усмехнувшись, подтвердил Машенькин папа. — Почти половина багажа.

— Дед Мороз, а ты на следующий год в Норильск прийти не забудешь? — поинтересовалась Машенька.

— Конечно, нет, — заверил тот. — Как же иначе? Если забуду, тогда Новый год не наступит. Так и будет старый продолжаться... Пожалуйста, остановите вот там! До подъезда дойду, — попросил Дед Мороз и показал на высокий дом чуть поодаль от дороги.

Машенькин папа тут же сбавил газ, машина остановилась на обочине.

— Ты разве в том доме живешь? — как будто засомневалась Машенька.

— В том самом, — улыбнулся в бороду Дед Мороз. — Девятый этаж, квартира тридцать.

— Значит, и ты не настоящий Дед Мороз, — разочарованно вздохнула девочка.

— Не настоящий, — согласился тот. — Но ничего, когда-нибудь ты встретишь самого настоящего... Что бы тебе подарить? — он пошарил в карманах своей красной шубы. — Как назло, всё раздал... А-а, нашел! — обрадовался Дед Мороз, протягивая Машеньке пачку бенгальских огней.

— Таких у меня целых семь штук, — честно сказала девочка.

— Таких, да не таких, — ответил ей Дед Мороз. — Хоть я и не настоящий Дед Мороз, а вот эти огни — волшебные. Если захочешь, чтобы исполнилось желание, зажги одну палочку — обязательно исполнится...

Дед Мороз открыл дверь и вышел из машины:

— Большое спасибо и с наступающим вас, — сказал на прощание. — Пожалуйста, мальчика домой отвезите.

— Конечно-конечно, — заверил Машенькин папа.

Машина вновь тронулась.

Димка обернулся, посмотрел через стекло, затянутое ледяным узором: Дед Мороз с тортом в руках постоял на обочине, потом как-то понуро прямо по снежной целине побрел к девятиэтажке.

— Стойте! — почти крикнул вдруг Димка. — Мне тоже сходить!

— Точно? Ты не путаешь? — удивился Машенькин папа, с сомнением поглядев на мальчишку.

— Ага, — соврал Димка, — не путаю. Мне туда, — указал на ближайший дом и попросил: — Машенька, подари мне один бенгальский огонь. Ну тот, который тебе Дед Мороз дал.

— Ладно, — сразу согласилась Машенька и протянула Димке тонкую серую палочку.

Тот выскочил из машины.

Снег валил изо всех сил, мгновенно наметая

пушистые сугробы, отливая голубым в неоновом свете уличных фонарей.

Когда машина уехала, Димка рванул назад, к тому самому дому, куда пошел Дед Мороз. Найдя нужный подъезд, на лифте Димка поднялся на девятый этаж и постучал в квартиру тридцать. Сразу не открыли, но вот послышались шаги, дверь отворилась — и мальчишка увидел на пороге Деда Мороза. Тот уже успел снять шубу, валенки, шапку, но с длинной бородой и усами смешно выглядел в синем спортивном костюме.

— Привет, — озадаченно сказал Дед Мороз. — Разве тебя не отвезли?

— Мне домой еще рано, — объяснил Димка. — А можно войти?

— Заходи, — разрешил хозяин. — Только немного посиди один. Мне грим снять нужно, — и он исчез в ванной.

Пройдя в комнату, Димка присел на краешек дивана, огляделся. В углу горел зеленый торшер, на потолок падали тени. Книги лежали на журнальном столике, стопкой стояли рядом с диваном на полу. На стене висели две большие цветные фотографии. Молодая женщина в ярко-оранжевом комбинезоне, прищурившись, смотрела из-под ладони на зубчатую вершину высокой горы. Наискосок по фото тянулись слова, выведенные черным фломастером: «Я и Ушба. Мы еще не знакомы и оцениваем друг друга». На другом снимке была лавина: сверкающая на солнце молочно-белая река, окутанная клубящейся снежной пылью...

— Не заскучал? — войдя в комнату, спросил Дед Мороз, уже без бороды.

Димка взглянул на него: оказывается, он совсем и не старый! Вот только глаза у него грустные.

— Мы ведь с тобой так и не познакомились, — сказал Дед Мороз. — Как тебя зовут?

— Дима.

— А меня — Виктор Александрович.

— Вы, Виктор Александрович, в театре работаете? — догадался Димка.

— Да. В ТЮЗе — в театре юного зрителя. Приходилось бывать?

— Нет, — Димка мотнул головой.

— Что же так? — слегка пожурил Дед Мороз. — Театр нужно любить. Обязательно сходи на какой-нибудь спектакль. Думаю, тебе понравится. А теперь давай пить чай. С тортом и кизилковым вареньем.

Пока хозяин расставлял чашки, готовил чай, Димка на случайной странице раскрыл какую-то книгу.

*Свой фетр бросая грациозно,
На землю плащ спускаю я:
Теперь же — появляйся грозно,
О шпага верная моя!
Мои движенья ловки, пылки,
Рука сильна и верен глаз.
Предупреждаю честно вас,
Что попаду в конце посылки...*

Некоторые слова на странице были подчеркнуты, а на полях нарисованы фигурки в мушкетерских плащах, дамы в старинных платьях. Димка посмотрел на обложку. На ней большими буквами значилось: «Сирано де Бержерак».

— Двигайся ближе, — когда стол был готов, сказал Виктор Александрович. Он отрезал большой кусок торта, положил на тарелку и протянул ее Димке. — Ешь, не стесняйся.

— Виктор Александрович, а кто такой Сирано де Бержерак? — пробуя торт, спросил Димка.

— Замечательный поэт, смелый солдат, глубокий философ, благородный человек, — ответил хозяин, наливая и себе чаю.

— Эта книга про него?

— Про него... — кивнул Виктор Александрович и признался: — Знаешь, всю жизнь мечтал сыграть эту роль.

— А почему не сыграли? — сочувствие появилось в Димкиных глазах.

Виктор Александрович отставил чашку.

— Как тебе сказать... — говорить об этом ему было непросто. — Причин разных много, —

он помолчал. — А главная... главная, наверное, в том, что я неудачник... Да, неудачник... Недавно сорок два исполнилось, а до сих пор в театре на второстепенных ролях. Вот по елкам хожу — Дедов Морозов играю, в мультфильмах озвучиваю волков, медведей, собак... А ведь могу играть... чувствую, что могу... Как Люся в горах погибла, так во мне что-то сломалось...

Виктор Александрович отвернулся, потом произнес почему-то хриплым голосом: — Ну всё, Дима, допивай чай и собирайся. Я тебя домой отвезу, а то мама потеряет...

Через пятнадцать минут они вдвоем вышли на улицу. Снегопад кончился, небо прояснилось, и тусклая луна была похожа на чье-то удивленное лицо.

— Виктор Александрович, — вдруг сказал Димка, — давайте встречать Новый год у нас. И мама рада вам будет.

Тот улыбнулся:

— Спасибо. Но, понимаешь, Новый год — праздник семейный, и я привык встречать его дома один.

Из-за поворота показалась машина с шапечками — такси, Виктор Александрович поднял руку.

— Метро Беляево! — сказал Димка водителю и назвал точный адрес.

— Садитесь! Как раз по дороге, — тот даже обрадовался. — Я в ту сторону на заказ еду.

Димка и Виктор Александрович сели в такси.

Светофоры всё время включали им зеленый свет, так что до Димкиного дома доехали быстро.

Димка и Виктор Александрович вышли у нужного подъезда, но машину не пустили.

— А мама еще не пришла, — кивнул Димка на темные окна своей квартиры.

— Ну, Дима, счастливого Нового года, — сказал Виктор Александрович. — И спасибо тебе. А еще, если захочешь, приходи ко мне в театр.

Попрощавшись с мальчиком, Виктор Алек-

сандрович опять сел в такси, машина тронулась с места и поехала в сторону метро.

Димка проследил взглядом, как вдалеке растаяли огоньки такси, и пошел в свой подъезд.

Раздевшись в прихожей, первым делом прошел на балкон и занес в комнату елку, и тут же по всей квартире запахло хвоей. Потом Димка разложил по полу коробки с елочными игрушками. Большие разноцветные шары сверкали и переливались под ярким электрическим светом.

Вдруг Димка услышал, как повернулся ключ в замке. Открылась дверь, в прихожую вошла мама.

— Еле-еле добралась! — крикнула она сыну. — Похоже, у транспорта тоже сегодня праздник... Ой, какая прелесть! — снимая пальто, мама появилась на пороге комнаты и залюбовалась елкой. — У меня есть предложение! Вот я разденусь, мы нарядим елку и поставим в духовку утку с яблоками. Вкуснота будет!

— Мама, — попросил Димка, — выключи на минутку свет.

Мама щелкнула выключателем. А Димка, стогнав в кухню за спичками, достал тоненькую палочку, которую дала ему Машенька, мысленно загадал желание и поджег. Белый бенгальский огонек зашипел и начал разбрасывать во все стороны крошечные снопики колючих искр.

Димка и мама любовались праздничными огоньками, и вдруг в прихожей затрещал дверной звонок.

Мама посмотрела на Димку и удивленно спросила:

— Кто это может к нам прийти в такое время?

— Я знаю! Знаю! — воскликнул счастливый Димка. — Это Дед Мороз! — и побежал открывать.

ЮЛЬКА

рассказ

Спать совершенно не хотелось. И потом Юлька совсем не любит спать. Из-за этого сна столько времени пропадает, ведь за это время можно так много нарисовать разноцветными красками. Ничего, что потом краска оказывается на руках, лице и даже в волосах и мама ругает за испорченную одежду. Зато какие получаются рисунки! Юлька даже зажмурилась от удовольствия. Вон там, в углу, рядом с телевизором лежит стопка листов — ее рисунки. Их очень много. Может, пятьдесят четыре, а может, и гораздо больше. Пятьдесят четыре — самый последний счет, до которого Юлька умеет считать. Она пошла в угол, взяла рисунки и стала раскладывать их на полу.

Вообще-то, рисунки обязательно должны висеть на стене. И еще у них тоже есть свой «дом», он называется картинная галерея. Рисунки живут там все вместе и рядом висят на стенах. Все это рассказала Юльке детсадовская воспитательница Виктория Андреевна, а она уж точно знает. И если совсем по-честному, то Юлька один раз устроила дома настоящую картинную галерею, прибив свои рисунки гвоздями к стенам. Но мама очень сильно ругала ее за это, и рисунки пришлось снять. Правда, дырки от гвоздей все равно так и остались, и Юлька иногда ковыряет их пальцем. Но ничего, когда она вырастет и станет взрослой, ее рисунки будут жить в самой-самой что ни на есть взаправдашней галерее, и никто не посмеет их оттуда убрать.

Юлька рядами разложила рисунки на полу, оставив между ними узкий проход. Прошлась, разглядывая свои творения. Вот повернула голову направо: с рисунка на нее смотрел лев. Он был зеленого цвета, с густой синей гривой и ярко-красными глазами. Лев сидел под пальмой и улыбался. Вообще-то, Юлька хотела, чтобы лев получился страшным, но так уж само вышло, что он улыбается. Юлька пос-

мотрела на другой рисунок: она очень его любит. На нем нарисован город, куда она когда-нибудь непременно приедет. У этого города совсем сказочное название — Ташкент. И все сказки, которые Юлька знает, она начинает одинаково: «В некотором царстве, в некотором государстве, в Ташкенте, жили-были...» А пока Юлька рисует этот город на бумаге. На рисунках он получается очень красивым. Дома высокие-высокие, а последнего этажа не видно: облака закрыли. Рядом с домами на деревьях растут апельсины и мандарины. Их Юлька очень любит, только вот плохо, что в город, где она живет с мамой, эти фрукты очень редко привозят.

Мама говорит, что самые вкусные фрукты растут там, где тепло, а в Ташкенте уж и подавно жарко. Один раз Юлька слышала, как по радио сказали: «Самая высокая температура в нашей стране — в Ташкенте, плюс сорок три градуса». Подумать только, целых сорок три градуса! А у них в городе даже летом приходится носить теплую одежду, иначе замерзнуть можно. Есть еще одна причина, почему Юлька хочет попасть в Ташкент. Там живет ее бабушка.

Бабушку Юлька помнит и не помнит. Точнее, не помнит она бабушкино лицо, бабушкину одежду, а помнит только бабушкины руки. Они так вкусно пахли пирогами! Юлька была еще совсем маленькой, когда бабушка брала ее на руки, прижимала к себе и напевала ласковые песни. Под эти песни Юлька закрывала глаза, и сразу приходили к ней хорошие сны. И до сих пор она помнит этот запах — родной запах бабушкиных рук. И хотя Юлька чувствует себя теперь большой и сильной, хорошо было бы уткнуться лицом в бабушкины ладони и постоять так хотя бы пять минут...

А сколько сейчас времени? Ух ты! Уже девять часов. Сейчас придет мама. Мама всегда недовольна, если Юлька в это время не лежит в кровати.

Что это за звук? А! Ключ поворачивается в замочной скважине... Мама пришла. Юлька скорей-скорей начинает собирать свои рисунки.

— Ты почему это еще не спишь? — спросила мама, заглянув к ней. — Ну-ка быстро в постель.

Юлька собрала рисунки и пошла к себе в комнату. Пусть сегодня рисунки ночуют вместе с ней. Девочка сняла с постели покрывало, разровняла простыню так, что не осталось ни одной морщинки, и залезла под одеяло. Она честно закрыла глаза и попыталась уснуть. Но спать совершенно не хотелось. В голову лезли всякие мысли, от которых и не заснешь никогда в жизни.

Вдруг в квартире зазвонил телефон. Юлька услышала, как мама подняла трубку, спросила:

— Алло? — потом торопливо сказала: — Я так ждала твоего звонка. Почему ты не звонил?

Вообще-то, Юлька знает — подслушивать нечестно. Но сейчас она совсем не виновата. Голос мамы раздается так громко, что Юлька слышит каждое слово.

— ...Можно хоть иногда тебя видеть? — волнуясь, спросила мама. — Ну, пожалуйста. Я не буду тебе надоедать.

«И как это мама может надоесть», — думает Юлька. Ей мама не надоеет никогда в жизни! А вот опять мамин голос:

— ...Как ты не понимаешь, я тебя люблю. Ты не можешь так со мной поступить!

Юлька услышала, как мама опустила трубку на рычаг, и дома стало совсем тихо. Тихо-тихо. Так тихо, что Юлька услышала даже свое дыхание. Она попыталась совсем не дышать, чтобы стало еще тише, но чуть не задохнулась. Пришлось опять начать дышать.

Но что это? Новые звуки, странные какие-то... Юлька не выдержала, вылезла из-под одеяла и, не надев тапочки, подошла к двери. Да, странные звуки не прекратились, а наоборот, даже усилились. Юлька открыла дверь и вошла в комнату.

Мама была за столом. Сидела она как-то странно. Уперев локти в стол, она прятала лицо в ладони и раскачивалась из стороны в сторону. И тут Юлька поняла, что это за звуки слышны от мамы. Так всегда случается, если тебя несправедливо обидят. Слезы начинают катиться из глаз, ты стараешься сдержаться, не плакать, но почему-то в горле становится горько-горько, обидно-обидно, и вот тут получаются эти звуки.

Юлька подошла к маме, тронула ее за рукав:

— Мамочка, не надо. Ну, не надо, мамочка, — зашептала Юлька быстро-быстро. — Ну, пожалуйста, не плачь.

Но мама всё плакала, и тут Юлька почувствовала, как ей самой вдруг стало обидно. Так обидно, что и рассказать нельзя. Слезы брызнули из ее глаз, хотя Юлька и сдерживалась изо всех сил. Она уткнулась носом в мамины колени и зашептала:

— Я тебя люблю, мамочка! Слышишь, люблю. Ты мне никогда-никогда не надоешь. И видеть хочу тебя каждую минуточку.

Юлька почувствовала, как мамины руки обняли ее и мамино лицо прижалось к ее спине.

— Я тебя тоже очень люблю. И ты мне никогда-никогда не надоешь, — говорили родные мамины губы. — Теперь всё будет хорошо. Вот увидишь. Просто я такая невезучая.

«Невезучая...» Юлька хорошо знает это слово. Ей самой столько раз не везло. Просто ужас! А один раз от этого самого невезения ее укусила собака. Совсем ни за что. Просто так взяла и укусила. А потом Юльке целый месяц делали уколы.

— Мамочка, — вдруг сказала Юлька. — Давай уедем отсюда. Ну, пожалуйста, давай уедем... в Ташкент, к бабушке.

— Ну что ты, дочка! — горячо говорила мама, мигмом перестав плакать. — Как можно? А работа? А квартира? А твой детсад? Но ты потерпи еще, когда-нибудь мы обязательно поедем в Ташкент.

Юлька вздохнула. Действительно, ничего не поделаешь. Придется терпеть.

— Мамочка, а можно я сегодня с тобой лягу? — попросила Юлька.

— Можно, — разрешила та. — Ты устраивайся пока, а я только умоюсь и сразу приду.

Мама пошла в ванную, а Юлька направилась к маминому дивану. Юлька любила его. Если лечь на этот диван и закрыть глаза, то можно представить себе всё, что захочешь: самолеты, море, разные страны. А потом уже совсем легко нарисовать всё это на бумаге. Юлька залезла на диван, свернулась калачи-

ком и закрыла глаза. Что бы сейчас такое себе представить?.. Но почему-то ничего не представляется. Только спать очень хочется. Ну, ладно, она пока поспит, а когда мама ляжет рядом, Юлька поговорит с ней еще.

Но Юлька так и не проснулась до самого утра. Лишь во сне ей казалось, что мама никак не может заснуть и часто ворочается...

Следующий день начался как обычно. Опять нужно было есть манную кашу, а потом залезать в комбинезон. Из желтого комбинезона Юлька давно уже выросла, и он ей жмет во всех местах.

А вот и детсад. Мама поцеловала Юльку на прощание. Только почему это мама как-то странно посмотрела на нее, прежде чем уйти на работу?

В детском саду Юльке нравится. Там много игрушек и все воспитательницы очень хорошие. Особенно Виктория Андреевна. Она всё-всё на свете знает и может ответить на самый трудный вопрос. А самое главное, она всегда внимательно слушает и никогда не говорит: «Отстань, мне некогда».

Вот и сейчас, после обеда, Юлька спросила у воспитательницы:

– А в Ташкенте есть море?

– Нет, – ответила Виктория Андреевна. – В Ташкенте моря нет.

«А-а, – догадалась Юлька, – просто море в Ташкент еще не успели прорыть». И только Юлька хотела сказать об этом вслух, как вдруг в дверях увидела маму. Вот это неожиданность! Еще ведь и полдника не было!

– Собирайся, Юлька, – сказала мама. – И попрощайся со всеми. Мы едем в Ташкент.

Но девочка ничуть даже не поверила.

– А как же работа? – спросила она. – И квартира тоже?

– Мне отпуск дали, – объяснила мама. – А за квартирой соседка присмотрит. И не копайся, поезд в шесть двадцать уходит.

И тут только Юлька поверила...

В желтом комбинезоне и с рисунками под мышкой Юлька стояла у окна вагона. От ее дыхания толстое стекло запотело и перестало быть прозрачным. Юлька протерла его рукавом, и сквозь него опять стало все видно. Но вот паровоз зафыркал, засвистел и покатил по рельсам все быстрее и быстрее...

Аркадий Маркович МАР

родился в 1949 году в Ташкенте.

Окончил Ташкентскую государственную консерваторию.

Прозаик.

Автор 15 книг повестей и рассказов.

Печатался в журналах «Роман-газета», «Клаузура», «Костёр», «День и Ночь», «Приокские зори», «Звезда Востока» и других.

Лауреат литературных премий, в том числе Международной литературной премии

Владислава Крапивина (2008).

Член Союза писателей России и международного ПЕН-клуба.

В журнале «Север» публикуется впервые.

